

МАСТЕРА
МАГИЧЕСКОГО
РЕАЛИЗМА

**В серии
«Мастера магического реализма»
вышли:**

- БАРНС, Джонатан, и др. **ГОЛОСА ЧЕРТОВСКИ ТОНКИ**
БЛЭК, Холли. **САМАЯ ТЕМНАЯ ЧАЩА**
БЛЭК, Холли. **ХОЛОДНЫЙ ГОРОД**
ВАЛЕНТЕ, Кэтрин М. **СКАЗКИ СИРОТЫ. В НОЧНОМ САДУ**
ВАЛЕНТЕ, Кэтрин М. **СКАЗКИ СИРОТЫ. ГОРОДА МОНЕТ И ПРЯНОСТЕЙ**
ГАЛИНА, Мария. **АВТОХТОНЫ**
ГЕЙМАН, Нил и др. **ВСЕ НОВЫЕ СКАЗКИ**
ГЕЙМАН, Нил и др. **ЗЕЛЕНый РЫЦАРЬ**
ГЕЙМАН, Нил и др. **КУЛЬТ КТУЛХУ**
ГЕЙМАН, Нил и др. **СБОРЩИК ДУШ**
ГЕЙМАН, Нил и др. **СТРАШНЫЕ СКАЗКИ**
ГЕЙМАН, Нил и др. **ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СОЗДАНИЯ**
ГЕЙМАН, Нил. **АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ**
ГЕЙМАН, Нил. **ДЫМ И ЗЕРКАЛА**
ГЕЙМАН, Нил. **ЗВЕЗДНАЯ ПЫЛЬ**
ГЕЙМАН, Нил. **НИКОГДЕ**
ГЕЙМАН, Нил. **ОКЕАН В КОНЦЕ ДОРОГИ**
ГЕЙМАН, Нил. **ОСТОРОЖНО, ТРИГГЕРЫ**
ГЕЙМАН, Нил. **СЫНОВЬЯ АНАНСИ**
ГЕЙМАН, Нил. **ХРУПКИЕ ВЕЩИ**
ГЕЙМАН, Нил. **СКАНДИНАВСКИЕ БОГИ**
ГОВАРД, Роберт И. **БЕЗЫМЯННЫЕ КУЛЬТЫ**
ДЕ ЛИНТ, Чарльз. **ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ**
ДЕ ЛИНТ, Чарльз. **ЗВЕРЛИНГИ. В ТЕНИ ДРУГОГО МИРА**
ДЖОНСТОН, К.-Э. **СКАЗКИ ТЫСЯЧИ НОЧЕЙ**
ДЖОНСТОН, К.-Э. **СКАЗКИ ТЫСЯЧИ НОЧЕЙ. ВЕРЕТЕНО**
ЛАВКРАФТ, Говард Ф. **ЗАТАИВШИЙСЯ СТРАХ**
ЛАВКРАФТ, Говард Ф. **ЗОВ КТУЛХУ**
ЛАВКРАФТ, Говард Ф. **ХРЕБТЫ БЕЗУМИЯ**
НИР, Эллис. **СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ ДЛЯ ДЕВОЧЕК УАЙЛЬД**
ПО, Эдгар А. и др. **МИРЫ АРТУРА ГОРДОНА ПИМА**
ПОЛЛОК, Том. **СЫН ГОРОДА**
ПОЛЛОК, Том. **СТЕКЛЯННАЯ РЕСПУБЛИКА**
СТОКЕР, Брэм. **ДРАКУЛА**
СТРИТ, Карен Ли. **ЭДГАР АЛЛАН ПО И ЛОНДОНСКИЙ МОНСТР**
ХОДЖСОН, Уильям Х. **ДОМ В ПОРУБЕЖЬЕ**

РОБЕРТ ИРВИН
ГОВАРД

БОГИ
БАЛ-САГОТА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Сое)-445

Г57

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Составитель — Дмитрий Квашнин
Художественное оформление — Василий Половцев

Говард, Роберт Ирвин.

Г57 Боги Бал-Сагота [фантастические повести, рассказы] / Роберт Ирвин Говард; пер. с англ. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 544 с. — (Мастера магического реализма).

ISBN 978-5-17-105583-7

Всего за тридцать лет жизни Роберт Ирвин Говард навсегда изменил облик не только фантастики, но и вообще популярной литературы. Героическая фэнтези и исторические авантюры, детективы и вестерны, истории о боксерах и восточные приключения, юмор и даже эротика — он одинаково свободно чувствовал себя во всех жанрах. Но настоящей любовью Говарда, по мнению множества исследователей, были сверхъестественные истории и мистика. Неудивительно, что именно этот человек, стоявший у истоков жанров «южной готики» и «неведомой угрозы», был также и одним из самых ярких творцов знаменитых «Мифов Ктулху» Г.Ф. Лавкрафта, с которым его связывала многолетняя дружба.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Вел)-445

© Агеев А.И., Бударов А., Квашнин Д.В.,
Миронова А.Д., Старков Д.А.,
перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-105583-7

Сад страха

Когда-то я был Ханвульфом-скитальцем. Я не в силах объяснить, откуда это мне ведомо, ни с помощью оккультизма, ни с помощью эзотерики — да и не стану пытаться. Человек помнит свою прожитую жизнь, я же — *все* свои прошлые жизни. Как обычный человек помнит, каким был в детские, отроческие и юные годы, так и я помню, каким Джеймс Эллисон был в забытые эпохи. Почему моя память такова, я не знаю, равно как не могу объяснить и мириады прочих природных феноменов, с которыми изо дня в день сталкиваюсь я и все смертные на свете. Но лежа в ожидании смерти, которая освободит меня от продолжительной болезни, я ясно и отчетливо вижу огромную панораму жизней, что тянутся к моей действительности. Я вижу тех, кто были мною, — и людей, и зверей.

Ибо память моя не заканчивается на появлении человека. Да и как ей было закончиться, когда зверь так плавно превратился в человека, что четкой границы звериной природы нельзя даже заметить? В том мгновении я вижу тусклые сумерки и гигантские деревья первобытного леса, еще не знавшего отпечатка обуви в кожу ноги. Вижу громадное существо, что пробирается неуклюже, но торопливо, то на задних ногах, то на четвереньках. Оно копается в прогнивших бревнах, ища личинок и насекомых, и непрерывно поводит своими малыми ушами. Затем поднимает голову и скалит желтые клыки. Первобытный дикий антро-

Роберт Ирвин Говард

пойд¹ — и все же я узнаю в нем родство с тем, кого ныне называют Джеймсом Эллисоном. Ну, как родство — скорее уж единство. Я — это он, он — это я. Моя кожа мягкая, белая и лишенная волосяного покрова, его же шкура — жесткая и косматая. И все же мы были единым целым, и в его немощном, зачаточном мозгу уже начинали покалывать людские мысли и зарождались людские сны — грубые, беспорядочные и мимолетные, но, вместе с тем, послужившие основой для всех высоких и благородных видений, что являлись людям в последующие эпохи.

Но и этим мои знания не ограничены. Они простираются к таким незапамятным далям, к каким я не осмелюсь следовать, к безднам настолько темным и страшным, что ни один человек не сумел бы измерить их глубину. Но даже там я ощущаю свою личность, свою индивидуальность. Она, скажу я вам, не терялась никогда — ни в той черной яме, из которой все мы выползли, слепые, вопящие и зловонные, ни в той конечной нирване, куда однажды попадем и которую я мельком видел вдалеке сияющей, точно голубое горное озеро в свете звезд.

Но довольно! Я поведаю вам о Ханвульфe. О, как это было давно! Не могу даже сказать, насколько. Зачем мне искать ничтожные человеческие сравнения, чтобы описать то, что происходило несказанно, непостижимо далеко? С тех пор земля изменила свой облик не один, но дюжину раз, и целые цивилизации успели постичь предначертанную им участь.

Я был Ханвульфom, сыном златовласых асиров² из ледяных равнин сумрачного Асгарда, пославших голубо-

¹ Человекообразная обезьяна. *Здесь и далее, если не указано иное — примеч. переводчика.*

² Асиры (асы) — народ, населявший прародину арийской расы, Нордхейм, в придуманную Говардом Хайборийскую эру и фигурирующий в нескольких рассказах о Конане-варваре. Сама идея Нордхейма, а также двух населявших его народов, асиров и ваниров (ванов), была позаимствована автором из романа Джека Лондона «Межзвездный скиталец» (*The Star Rover*, 1915). — *Примеч. редактора.*

Сад страха

глазые племена, дабы те, обойдя в вековых странствиях весь мир, оставили в самых неожиданных местах свои следы. В одном из таких странствий, что проходило на юг, я и был рожден. Я никогда не видел родной страны своего народа, Нордхейма, где северяне жили среди снегов в шатрах из конских шкур.

В этом долгом походе я вырос, обретя силу, свирепость и неукротимость, свойственную асирам, не знающим иных богов, кроме Имира¹ с ледяной бородой, на чьих топорах запеклась кровь многих народов. Мои мускулы были крепки, как плетеные стальные канаты. Белокурые волосы львиной гривой спадали на могучие плечи. Чресла были облечены в леопардовую шкуру. Любою рукой я мог управляться своим тяжелым топором с кремниевым лезвием.

Год за годом мое племя продвигалось на юг, порой сильно отклоняясь то на восток, то на запад, а то и задерживаясь месяцами в плодородных долинах или на равнинах, где паслись стада травоядных, и все же медленно, но неуклонно следовало на юг. Бывало, наш путь лежал через молчаливые и безлюдные просторы, не знавшие еще человеческого голоса; бывало — путь нам преграждали дивные племена, и тогда за нами оставался след из обогрешенного кровью пепла на месте вырезанных деревень. И в течение этого странствия, на охоте и в боях, я стал совсем взрослым и полюбил Гудрун.

Что мне рассказать о Гудрун? Как описать цвета слепому? Могу только сказать, что ее кожа была белее молока, волосы пылали пламенем ловимого ими солнца, а изящество всякого иного тела лишь посрамилось бы ее формами греческой богини. Но мне не по силам дать вам представление о том сияющем диве, коим она была. Вам попросту не с чем сравнить — вам знакомы только женщины вашей эпохи, которые рядом с ней кажутся не более чем свечами

¹ Имир (Бримир или Аургельмир) — в германо-скандинавской мифологии первое антропоморфное существо, инеистый великан, из тела которого бог Один со своими братьями Вили и Вё, убив Имира, создали мир.

Роберт Ирвин Говард

против света полной луны. Множество тысячелетий эта земля не видела таких женщин, как Гудрун. Клеопатра, Таис¹, Елена Троянская — все они лишь бледно оттеняли ее красоту, вяло подражая тому цвету, что мог наполниться всей своей силой только в самом начале.

Ради Гудрун я оставил свой народ и ушел в дикие земли изгнанником с обагренными кровью руками. Она принадлежала моей расе, но не моему народу — ребенком ее нашли в лесу, где она бродила, отбившись от племени кочевников. Когда она созрела, превратившись в прекрасную молодую девушку, ее решили отдать Хеймдалу-силачу, лучшему охотнику племени.

Но мечта о Гудрун ввергала меня в безумие, раздувала негасимое пламя, и я убил Хеймдала, проломив ему череп топором, прежде чем он успел утащить ее в свой шатер из конской шкуры. И тогда начался наш долгий побег от жаждущих мести соплеменников. Гудрун охотно бежала со мной, питая ко мне ту любовь асирских женщин, что пылает, пожирая пламя и уничтожая слабость. О, это были дикие времена, когда жизнь имела природу мрачную и кровавую, а слабые погибали, не задерживаясь на этом свете слишком долго. Мы же вовсе не были нежными, а наши страсти походили на бурю, на волнение битвы, в нас кипела львиная решимость. А любовь наша была столь же неистова, что и наша ненависть.

Так я увел Гудрун из племени, и жаждущие нашей смерти двинулись за нами вслед. День и ночь они не давали нам передышки, пока мы не бросились в ревущую пенящуюся реку, куда даже асиры не осмелились войти. Но мы, обезумевшие от любви и полные безрассудства, переправились через нее, пусть и были побиты и изранены бешеным потоком, и достигли дальнего берега живыми.

Потом мы еще много дней шли по горному лесу, преследуемые тиграми и леопардами, пока не оказались у под-

¹ Знаменитая афинская гетера, пользовавшаяся покровительством Александра Македонского.

Сад страха

ножия огромных гор, голубоватой цепью вздымавшихся к небу. Там, впереди, склоны тянулись за склонами.

В тех горах нас одолевали морозные ветры и голод, а сверху с шумом обрушивались гигантские кондоры на огромных крыльях. В лютых битвах, что случались в ущельях, я выпустил все стрелы и расколол свое кремневое копьё, но затем мы, наконец, пересекли унылый хребет и спустились по южным склонам. Там, среди скал, мы наткнулись на деревню из землянок, где жил мирный народ с коричневой кожей, говоривший на странном языке и имевший странные обычаи. Они встретили нас с радушием и привели к себе, поставив перед нами мясо, ячменный хлеб и сквашенное молоко. Пока мы ели, они сели вокруг на корточки, и одна женщина негромко стучала по тамтаму в нашу честь.

В их деревню мы вошли на закате, и пока шел пир, наступила ночь. Со всех сторон на фоне звезд возвышались утесы и пики, а сам малый участок, заполненный мазанками и крошечными костерками, терялся в величии этой ночи. Гудрун, ощущая одиночество и давящую пустоту этой тьмы, приникла ко мне — ее плечо было прижато к моей груди. Но топор лежал у меня под рукой, и я никогда не знал чувства страха.

Маленький народец сидел перед нами — и мужчины, и женщины. Они пытались общаться, жестикулируя своими тонкими ручками. Живя все время в одном месте, относительно безопасном, они не обладали ни силой, ни непреклонной свирепостью кочевников-асиров. Они просто сидели и дружелюбно водили руками в свете костров.

Я кое-как объяснил им, что мы пришли с севера, пересекли хребет огромной гряды, а на следующий день намеревались спуститься на зеленое плато, которое видели к югу от пиков. Когда они поняли, о чем я говорил, то вдруг начали кричать, неистово трясти головами и бешено стучать в барабан. Они так хотели что-то донести до меня и размахивали руками все в одночасье, что сильнее озадачили, чем просветили меня. В конце концов я сумел понять,

Роберт Ирвин Говард

что они не хотят, чтобы я спускался с гор. К югу от деревни таилась некая угроза, но был то человек или зверь — мне понять не удалось.

И пока все жестикулировали, и мое внимание было приковано к их рукам, обрушился удар. Сперва я понял, что это был шум огромных крыльев, а затем из ночи выскочило некое темное существо и резким взмахом свалило меня наземь. В то же мгновение я услышал крик Гудрун — ее насильно оттащили прочь от меня. Вскочив, я уже мелко дрожал от жажды драться и убивать, но увидел, как темное существо исчезает во тьме, а в когтях его кричит и извивается белая фигура.

Взревев от горя и ярости, я схватил свой топор и пустился вслед в темноту — но вдруг остановился в отчаянии, не зная, в какую сторону повернуть.

Маленькие человечки сначала с криками бросились врассыпную, перепрыгивая через свои костры и вздымая в них искры, пытаясь поскорее спрятаться в своих жилищах, но теперь уже боязливо выбирались обратно, поскуливая, как раненые псы. Обступив меня, они принялись робко прикасаться ко мне руками и бормотать что-то на своем языке, пока я в бессилии сыпал проклятиями, видя, что они желали сказать мне что-то, чего я не мог понять.

Наконец, я позволил им отвести себя обратно к огню, где старейшина племени достал кусок выделанной шкуры, глиняные горшочки с красками и палочку. Он нарисовал на шкуре крылатую тварь, несущую белую девушку, — рисунок был очень груб, но я уловил суть. Затем человечки указали на юг и закричали на своем наречии — тогда-то я, наконец, понял, что они предупреждали меня об угрозе, которую представляло то существо, что забрало Гудрун. Прежде я полагал, что это лишь один из больших горных кондоров, но изображенное черной краской существо напоминало скорее крылатого человека.

Затем старик медленно и кропотливо начал выводить что-то, в чем я вскоре узнал карту — о да, даже в те смутные дни мы уже пользовались примитивными картами, пусть

Сад страха

современный человек и не смог бы как следует разобраться в наших символах.

Прошло немало времени, и, когда старик закончил свой рассказ, уже наступила полночь. Однако теперь картина стала полностью мне ясна. Мне предстояло пройти по маршруту, отмеченному на карте, вниз по узкой долине, где лежала деревня, пересечь плато, затем преодолеть несколько неровных склонов и еще одну долину — и тогда я должен был оказаться перед обиталищем твари, похитившей мою женщину. В том месте на карте старик нарисовал что-то похожее на бесформенную хижину с множеством странных значков, выведенных алой краской. Указав на них, а затем на меня, он покачал головой и вновь разразился теми криками, что, похоже, служили у них обозначением опасности.

Затем они попытались отговорить меня от похода, но я с решимостью взял кусок шкуры и мешочек с едой, что они сунули мне в руки (это был в самом деле странный народец для той эпохи), схватил свой топор и двинулся в безлунную тьму. Но мое зрение было острее, чем способен представить современный разум, а умение ориентироваться на местности не уступало волчьему. Лишь раз посмотрев на карту, я мог выбросить ее прочь и безошибочно прийти к нужному месту, но я все равно сложил ее и сунул себе за пояс.

Я изо всех сил спешил в звездном свете, совершенно не остерегаясь никаких зверей, что могли искать свою добычу — будь то пещерные медведи или саблезубые тигры. Время от времени я слышал, как гравий скользил под подушечками чьих-то пробирающихся украдкой лап, замечал свирепые желтые глаза, горящие в темноте, и смутно улавливал скрытные формы. Но я продолжал неуклонно идти вперед, слишком отчаявшийся, чтобы позволить какому-то зверю, каким бы страшным он ни был, преградить мне путь.

Я пересек долину, взобрался по хребту и выбрался на широкое плато, изрезанное оврагами и засыпанное валунами. Пройдя через него, я начал в предрассветной темноте

Роберт Ирвин Говард

спускаться по коварным склонам. Кажущиеся бесконечными, они уходили длинным крутым скатом вниз, где их подножия терялись во тьме. Но я спешно продолжал спуск, не останавливаясь даже чтобы обвязаться веревкой из сыромятной кожи, что висела у меня на плечах. Я всецело положился на свою удачу и умения, веря, что они позволят мне добраться до цели, не свернув себе шею.

А едва рассвет озарил вершины белым свечением, я вошел в широкую долину, протянувшуюся между двух громадных утесов. В том месте восточная и западная ее стенки находились далеко друг от друга, но книзу утесы сближались, и долина словно бы превращалась в огромный веер, сужающийся к югу.

Ее ровное дно пересекал извилистый ручей. То тут, то там росли деревья, а вместо подлеска стелился ковер из высокой травы, несколько суховатой в это время года. Вдоль ручья, где растительность была особенно буйной, бродили мамонты, напоминавшие своим видом заросшие горы из плоти и мускулов.

Я обошел их по широкой дуге — эти громадины были слишком велики, чтобы с ними справиться, и, слишком уверенные в своей силе, не боялись ничего на свете, кроме одной вещи. Они наклоняли вперед свои большие уши и грозно поднимали хоботы, когда я подходил чересчур близко, но нападать не пытались. Я быстро бежал среди деревьев, и когда достиг места, где скалы смыкались, солнце еще не взошло над восточной стенкой, лишь обравив ее сверху золотистой рамкой. Ночной переход совершенно не отразился на моих мышцах. Я не чувствовал усталости, но ярость моя не ослабевала. Я не знал, что находилось за этими скалами, и не желал об этом гадать. Места в моем разуме хватало только багровой ярости и жажде убийства.

В сплошную стену скалы не соединялись: в месте стыка они не встречались вплотную, а оставляли между собой проход в несколько сотен футов шириной. Через него можно было попасть во вторую долину — или скорее про-

Сад страха

должение первой, которая вновь расширялась, стоило войти в этот проход.

Скалы быстро отдалялись на запад и на восток, образуя огромную стену вокруг просторной овальной долины. Она тянулась голубоватым ободом, непрерывным, за исключением узкого просвета, в котором виднелось ясное небо и который, очевидно, обозначал место еще одного прохода с южной стороны. По своей форме долина напоминала большую бутылку с двумя горлышками.

Проход, по которому я сюда попал, был скрыт деревьями, густо росшими на протяжении нескольких сотен ярдов, после чего уступали место полю темно-красных цветов. А еще через несколько сотен ярдов я увидел странное сооружение.

О том, что я увидел, мне следует рассказать от лица не только Ханвульфа, но также и от лица Джеймса Эллисона. Ибо Ханвульф лишь смутно понимал то, что предстало его взору, и совершенно не мог этого описать. Будучи Ханвульфом, я ничего не смыслил в архитектуре. Из людских жилищ я видел одни шатры из конских шкур, что ставили мои соплеменники, да крытые соломой мазанки горного народа и прочие, столь же примитивного характера.

Поэтому как Ханвульф я могу лишь сказать, что увидел огромную хижину, чья конструкция лежала за пределами моего понимания. Но как Джеймс Эллисон я осознаю, что передо мною стояла башня футов семидесяти высотой, построенная из необычного зеленого камня, хорошо отполированного и покрытого неким веществом, благодаря чему создавалось ощущение ее полупрозрачности. Она была цилиндрической формы и, насколько я видел, не имела ни окон, ни дверей. На высоте около шестидесяти футов основная часть строения заканчивалась, и оттуда начиналась еще одна башенка, венчавшая его. Эта башенка, значительно уступавшая в обхвате основной, была окружена чем-то вроде галереи с зубчатым парапетом и имела и двери со странными арками, и окна, что были заперты на

Роберт Ирвин Говард

засовы — я видел это даже оттуда, где в тот момент находился.

И больше ничего. Ни единого признака того, что там живут люди. Как и по всей долине. Но я не сомневался, что этот замок был тем самым, что пытался изобразить старик из горной деревни, и я точно знал, что только там смогу найти Гудрун — если она все еще жива.

Позади башни я увидел блеск голубого озера, в которое впадал ручей, следующий вдоль изгиба западной стены. Притаившись среди деревьев, я разглядывал башню и цветы, которые густо росли вдоль стен и тянулись на сотни ярдов во все направления. Виднелись деревья и на дальнем конце долины, у озера, — но только не среди цветов.

Они не были похожи ни на какие растения, что мне доводилось встречать прежде. Росли они так плотно, что почти касались друг друга. Фута четыре в высоту, они имели лишь по одному цветку на каждом стебле — но размером крупнее человеческой головы и с широкими, налитыми лепестками, сомкнутыми вместе. Лепестки эти были красноватыми, с бледным, как у открытой раны, оттенком. Стебельки же, плотные, как людская талия, почти не имели цвета и казались едва ли не прозрачными. Ядовито-зеленые листья формой напоминали наконечники копий и висели на длинных змеевидных черешках. Весь вид этих растений производил отталкивающее впечатление, и я мог лишь гадать, что же такое они скрывали.

Все мои необузданные инстинкты обострились: я чувствовал угрозу, так же, как в те частые случаи, когда ощущал присутствие затаившегося в засаде льва еще прежде, чем видел или слышал его. Я пристально вглядывался в густые заросли, прикидывая, не свернулась ли среди них какая-нибудь огромная змея. Мои ноздри расширились, пока я старался уловить какой-нибудь запах, но ветер мне этого не позволял. И все же в этом огромном саду явно ощущалось что-то неестественное. Несмотря на дуящий с севера ветер, ни один цветок не колыбался, ни один листик не

Сад страха

шелестел — они висели неподвижно, зловеще, точно хищные птицы с поникшими головами. Тогда у меня возникло ощущение, будто они, как живые, следили за мной.

Вся эта картина казалась мне сном: с обеих сторон на фоне затянутого облаками неба высились голубые горы, вдали — спящее озеро, и посреди бледно-алого поля — фантастическая зеленая башня.

И было в этом кое-что еще: несмотря на ветер, я ощутил донесшийся с поля какой-то склепный запах, напоявший о смерти и разложении.

В следующее мгновение я пригнулся в своем укрытии: в замке возникло какое-то движение. Из башни наверху вышел человек и, подойдя к парапету, облокотился на него, оглядывая долину. Это был мужчина, но такой, какой не привиделся бы мне даже в кошмарах. Высокий, статный, с черной, будто полированное дерево, кожей, но что в его облике ввергало в истинный ужас — это сложенные на плечах крылья, точно у летучей мыши. Я не сомневался, что это действительно крылья — их было ни с чем не спутать.

Я, Джеймс Эллисон, много размышлял над тем феноменом, что предстал глазам Ханвульфа. Был ли этот крылатый человек просто уродом, оторванным от мира образцом извращенной природы, живущем здесь в одиночестве и запустении? Или же выжившим представителем забытой расы, что зародилась, процветала и исчезла до того, как появились люди, каких мы знаем теперь? Маленький народец в горах, быть может, и рассказал мне об этом, но я не понимал их языка. И все же более вероятным мне казалось второе предположение. Крылатые люди нередко встречались в мифологии и присутствовали в фольклоре многих народов и рас. Как бы глубоко вы ни вдавались в мифы, летописи и легенды, в них всегда присутствуют гарпии и крылатые боги, ангелы и демоны. И поскольку легенды служат искаженными тенями существовавших некогда действительностей, я верю, что раса крылатых людей правила миром до Адама, и что я, Хан-